

Величко С.А.

УДК 128/129 [19]

КОНЦЕПТ СМЕРТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности осмысления смерти представителями таких направлений европейской философии XX века, как фрейдизм, неопрейдизм и экзистенциализм. На основании сравнительного анализа танатологических идей, высказанных основными представителями этих направлений, изучается их осмысление значимости смерти, в качестве онтологически структурирующего начала, а так же места и роли смерти в становлении особенностей имманентного бытия человека.*

***Ключевые слова:** смерть, бессознательное, архетип, биофилия, некрофилия, свобода.*

***Анотація.** У статті розглядаються особливості осмислення смерті представниками таких напрямів європейської філософії XX століття, як фрейдизм, неопрейдизм і екзистенціалізм. На підставі порівняльного аналізу танатологічних ідей, висловлених основними представниками цих напрямів, вивчається їх осмислення значущості смерті, як початка, що онтологічно структурирує, а так само місця і ролі смерті в становленні особливостей іманентного буття людини.*

***Ключові слова:** смерть, несвідоме, архетип, біофілія, некрофілія, свобода.*

***Summary.** The features of death's comprehension by the representatives of such directions of modern European philosophy, as freydzim, neofreydzim and existentialism are explored in the article. On the grounds of a comparative analysis of thanatological ideas expressed by the main representatives of this schools, their understanding of the death's role and its place in the social life and the natural reality, in the formation of features of immanent human existence as well, is studied.*

***Keywords:** death, unconscious, arkhetip, biophilia, necrophilia, freedom.*

В философских воззрениях XX века проблема смерти приобрела особую значимость. Во многом это объяснялось феноменом атеизации западноевропейского общества, а так же двумя мировыми войнами, сопровождавшимися невиданными до этого времени жертвами и разрушениями.

Наиболее активно проблему смерти изучали в таких философских течениях, как фрейдизм, неопрейдизм и экзистенциализм.

Психоанализ является, прежде всего, направлением в психологии. Однако авторы, работавшие в этом русле, Зигмунд Фрейд и Карл Юнг, в исследовании проблем внутреннего мира человека смогли выйти на философский уровень осмысления проблемы. Зигмунд Фрейд пришел к выводу, что в человеке проявляются два основных стремления: тяга к жизни, более или менее идентичная сексуальному влечению, и инстинкт смерти, имеющий целью уничтожение жизни. Он предположил, что инстинкт смерти, сплавленный с сексуальной энергией, может быть направлен либо против самого человека, либо против объектов вне его [4, с. 17].

Большое влияние на последующие исследования проблемы танатоса оказали идеи Фрейда, касающиеся проблемы влияния смерти на формирование как особенностей внутреннего мира человека, так и его взглядов на окружающую действительность. Важное значение также имело открытие Фрейдом такого феномена, как бессознательное. В исследовании влияния смерти на формирование имманентной действительности человека понятие «бессознательное» заняло одно из центральных мест.

Истоки нашего отношения к «уходу» Фрейд искал в специфическом отношении к смерти первобытного человека. По мнению Фрейда, оно было амбивалентным: «Человек, с одной стороны, принимал смерть всерьез, признавал ее уничтожением жизни и в этом смысле пользовался ею, но, с другой стороны, отвергал ее, начисто ее отрицал» [6, с. 17]. Причина этой двойственности заключалась в том, что «смерть другого не вызывала у него возражений, он воспринимал ее как уничтожение и жаждал ее достичь» [6, с. 17]. Его же собственная смерть была для него точно так же невообразима и неправдоподобна, как ныне для любого из нас. Однако возможны случаи, когда эти представления смыкались и вступали в конфликт между собой, оказывая определяющее влияние на становление духовного мира человека. Речь шла о тех сюжетах, когда первобытный человек терял кого-то из своих близких. Он убеждался на опыте, что человек может умереть, потому что каждый из тех, кого он любил, был частицей его «Я». Но, с другой стороны, в каждом из этих любимых и частица, ему чуждая. Именно у тела любимого существа человек, по мнению Фрейда, выдумал «духов, воображал разложение индивидуума на плоть и душу – первоначально не одну, а несколько. Вспоминая об умерших, он создавал себе представления об иных формах существования, для которых смерть – это только начало. Он создавал себе понятие загробной жизни после мнимой смерти [6, С. 18–19]. Появлением учения о загробном мире влияние танатоса на становление особенностей имманентного бытия человека не ограничилось. Фрейд считал, что у тела любимого человека зародились не только представления о душе и вера в бессмертие, но и осознание вины, страх перед смертью и первые этические требования... «Древнейшее требование этики, зародившееся тогда, но важное и теперь, гласило: «Не убивай». Первоначально оно касалось любимого человека, но постепенно распространилось на нелюбимых чужих, а в конце концов – и на врага» [6, с. 20].

На вопрос, как наше бессознательное относится к смерти, Фрейд отвечал: «Наше бессознательное относится к смерти в точности так же, как относился к ней первобытный человек..., наше бессознательное так же недоступно для представления о собственной смерти, так же кровожадно по отношению к чужим, так же двойственно (амбивалентно) по отношению к любимым людям, как первобытный человек» [6, с. 24].

Представляют интерес идеи Фрейда, касающиеся взаимоотношения культуры и смерти. Боль потери любимого человека или только страх его потери заставляет нас всеми возможными способами исключать

смерть из нашей жизни. Однако, по мнению Фрейда, жизнь теряет содержательность и интерес, когда из жизненной борьбы исключена высшая ставка, то есть сама жизнь. Она становится «пустой и пресной» [6, с. 15]. Такое оскудение жизни удовлетворить человека не может, поэтому мы обращаемся к миру воображаемого, к литературе, театру. На сцене мы находим людей, которые еще умеют умирать. Мы удовлетворяем свое желание видеть саму смерть, ставшую значительной ставкой в жизни, причем не для нас, а для другого [6, с. 15]. Такой перенос концентрации внимания с действительности на мир вымысла порождает процесс разрыва социальных связей в реальной жизни. Этот перенос является культурной предпосылкой процесса атомизации европейского общества, феномена, о котором с тревогой пишут и говорят практически все европейские мыслители второй половины XX века.

Подводя итог, можно сказать, что Зигмунд Фрейд внес существенный вклад в исследование феномена «ухода». Его идеи о двойственном восприятии человеком смерти, о воздействии танатоса на формирование этических норм, о взаимоотношении культуры и смерти оказали значительное влияние на последующее развитие танатологических исследований. Однако самым важным вкладом мыслителя в исследование проблемы ухода является открытие им феномена бессознательного. Известный религиозный философ Б. П. Вышеславцев феномен вечности души связывал с бессознательным. Он утверждал, что если даже смерть означает потерю сознания, то это еще вовсе не уничтожение души, это может означать только переход из сознательного бытия в бессознательное. Вслед за Фрейдом проблемами танатологии занимался другой великий представитель школы психоанализа Карл Густав Юнг. Краеугольным камнем его воззрений на явление «ухода» являлось, как и в концепции Фрейда, понятие бессознательного. Для Юнга бессознательное – это «океан, омывающий сознание. И в этом океане скрыты мотивы поведения, стили мышления, менталитеты народов» [9, с. 190].

Содержащиеся в нашем бессознательном врожденные психологические структуры (или архетипы) несут в себе знание о другом мире. Но наш привязанный к этой действительности разум не позволяет нам заглянуть за пределы нашего бытия. Однако человеку, особенно стареющему, необходим миф о смерти, иначе его ожидают лишь суждения здравого смысла, которые не подсказывают ему ничего лучшего, чем ожидающая его черная яма [9, с. 191]. Юнг замечает по этому поводу: «Отвергнувший миф шагает в ничто, а кто следует архетипу, идет по дороге жизни и полон жизни даже в момент смерти» [9, с. 338].

Смерть для Юнга ни в малейшей степени не является злом, она пугающе воздействует на нашу психику, но при взгляде на нее со стороны вечности представляется нам не таким уж и безысходным явлением: «Она покажется событием радостным, словно некая свадьба. В таком случае душа как бы обретает свою недостающую половину, она достигает полноты» [9, с. 124].

Юнг верит в существование души после смерти: «Если мы сможем распределить такой «черный ящик», как душа, то поймем феномен жизни до смерти и тайну процесса смерти» [9, с. 192]. Однако, по его мнению, часть человечества желает полной смерти: «Есть люди, которые не нуждаются в бессмертии и которых пугает мысль о том, что десятки тысяч лет они будут сидеть на облаке и играть на арфе» [9, с. 108].

Обобщая все сказанное, можно отметить, что К. Юнг осмысливает проблему танатоса сквозь призму теории архетипов. В архетипах содержатся накопленные в течение многих поколений представления о смерти. Но они даны нам неясным образом. Они спрессованы и загнаны в подсознание, в подпочву души [8, с. 192]. Логически жизнь после смерти представить невозможно, но Юнг утверждает, что «должен считаться с фактом, что душа во все времена и во всех регионах утверждает опыт духов» [8, с. 282].

Представитель философии фрейдизма Эрих Фромм в своем творчестве занимался исследованием влияния феномена танатоса на формирование особенностей имманентного бытия, а также пытался переосмыслить концепцию смерти Фрейда. Гипотеза о существовании инстинкта смерти, по его мнению, обладает тем достоинством, что она отводит важное место разрушительным тенденциям. Но биологическое истолкование стихии разрушительства не может удовлетворительно объяснить тот факт, что глубина этой потребности в высшей степени различна у разных индивидов и у разных социальных групп» [4, с. 17]. Объектом анализа Фромма становятся не инстинкты с их биологической непреложностью, а две изначальные оппозиции: высшая и глубочайшая приверженность к жизни и противостоящая ей тенденция смерти [4, с. 11]. В психике каждого человека заложены обе позиции, однако конкретный человек оказывается ближе к одной или другой ориентации [там же]. Фромм считает, что стремление к жизни и тяга к разрушению связаны обратнопропорциональной связью: «Чем больше проявляется стремление к жизни, тем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению» [4, с. 18]. Наша эпоха, по мнению Фромма, стремится подавить осознание смерти вместо того, чтобы сделать это осознание одним из важнейших стимулов жизни [4, с. 18].

Фромм подчеркивал, что среди людей есть биофилы и некрофилы. Биофильство понимается исследователем как глубокая жизненная ориентация, пронизывающая все существо человека. Некрофильство – это любовь человека к смерти. «Некрофил – антипод жизни. Его неудержимо влечет ко всему, что не растет, не меняется, ко всему механическому. Но движет его поведением не только тяга к омертвелому, но и стремление разрушать зеленеющее, жизнеспособное» [4, с. 18]. Некрофильские тенденции демонстрируются не только отдельными людьми, но во многом самим деперсонализирующимся укладом повседневной жизни. Современное индустриальное общество располагает техникой возбуждения некрофильских страстей. Все сферы человеческой деятельности обезчеловечены, механизированы и омертвлены.

Подводя итоги, можно отметить важность вклада основателей и сторонников школы психоанализа в исследование проблемы танатоса. Их идеи о наличии инстинктов жизни и смерти, о влиянии «ухода» на

формирование особенностей духовного мира человека, о взаимоотношении общества и смерти, оказали существенное влияние на последующее освоение танатоса европейской философией XX века. Сам по себе феномен смерти в их концепциях не имеет отрицательного характера. В большей или меньшей степени все они признают за танатосом особый позитив. По Фрейдю, смерть опосредованно являлась причиной рождения этических норм, для Фромма она была сильнейшим стимулом жизни. Для Карла Юнга смерть – тот положительный феномен, благодаря которому душа обретает свободу и самостоятельность.

На окружающую действительность отрицательно воздействует не столько сам танатос, сколько заложенная в человеческой психике приверженность к смерти. Переосмысленная Фроммом и ставшая одним из полюсов фундаментальной оппозиции человеческого сознания «био – некро», эта некрофильская тенденция стала осмысливаться как явление, обладающее ярко выраженным деструктивным характером. Феномен некрофилии становится той движущей силой, которая порождает в сознании человека, подавляющего в себе стремление жить, стремление к разрушению всего живого. Любовь к жизни уступает место любви к технике и технологиям цивилизации.

Возникший в XX веке экзистенциализм свое внимание сосредоточил на проблеме человека. Для этой философии характерно противопоставление индивидуального существования социальному бытию, так как общество онтологически чуждо индивиду [5, с. 16]. Поскольку экзистенциализм осуществил перенос центра философского внимания на человеческий индивид, проблема жизни и смерти занимает в исследованиях этой философии одно из важнейших мест [5, с. 16].

Одно из самых интересных танатологических исследований в рамках европейской философии XX века принадлежит немецкому мыслителю Мартину Хайдеггеру. Он рассматривает человеческое бытие как «бытие к смерти». Смерть для Хайдеггера – «это способ быть, онтологически наличествовать, который принимает вид «здесь бытия»... «Смерть – это судьба личности, это онтологическая структура человеческого бытия, это одно из основных проявлений временности существования индивида. И чтобы быть подлинным, человек должен жить, ориентируясь на свою смертность, а не так, как будто он бессмертен» [3, с. 16]. Смерть, по Хайдеггеру, в самом широком смысле есть феномен жизни, ибо «здесь бытие не имеет кончины» [7, с. 202].

Бытие-к-смерти – это форма подлинного бытия, которая, позволяет человеку вырваться за пределы неподлинного бытия. «Подлинный характер жизни оказывается производным от сознательного принятия человеком своей смертности, от превращения существования в свободный проект бытия-к-смерти» [3, с. 16]. Основу неподлинного бытия составляет доминирование одного из модусов центральной хайдеггеровской категории *Dasein* (бытия – сознания), а именно – моментов настоящего, «когда мир вещей заслоняет от человека его конечность» [5, с. 16]. В этом мире повседневности, мире вещей, человек забывает о своей конечности, смертности и утрачивает сознание своей уникальности. «Забора, неточно понятая как страх, игнорируется как слабость, с которой никакое уверенное в себе бытие не может иметь ничего общего. В соответствии с негласным законом «*Man*» надлежит безразлично спокойно относиться к факту, что люди умирают. Превосходство безразличия отчуждает бытие от его собственной безусловной возможности [3, с. 13]. Вырваться за пределы этого неподлинного существования можно, только ощутив «экзистенциальный страх», который открывает перед человеком новую перспективу – смерть [5, с. 17]. При этом человек попадает в некий просвет бытия, где испытывает состояние чуждости, одиночества, захватывается экзистенциалом ужаса, в котором приоткрывается Ничто. Следовательно, человеческое бытие означает также «выдвинутость в Ничто». Бытие-к-смерти становится модусом подлинного существования человека и воплощением амбивалентного сродства Бытия и Ничто. Человек обращен к смерти, проектирует и осиливает ее, обретает принадлежность к истине Бытия и к истине Ничто [2, с. 54]. Смерть есть ковчег Ничто, то есть того, что ни в каком отношении никогда не есть нечто просто сущее, но что существует в качестве тайны самого Бытия. Смерть как ковчег Ничто есть Храм бытия. Таким образом, Хайдеггер считает, что смерть – часть этого мира, «здесь-бытия», которое не имеет конца. Человек после смерти переходит из одного вида бытия в другой, т. е. он вечен с точки зрения онтологии [7, с. 202].

Как видно из всего изложенного, смерть, несмотря на то, что является источником «экзистенциального страха», оценивается мыслителем положительно. Уже само понимание «своей конечности означает обостренное внимание к бытию и его альтернативе. Для любого «Я» собственная смерть играет роль картезианского *cogito ergo sum*, безусловного момента, который полностью принадлежит только этому «я» и тем самым подводит личность к наиболее глубокому самопознанию» [1, с. 24]. Онтологический статус смерти в учении Хайдеггера очень высок. Будучи храмом бытия, танатос является тем феноменом, без которого подлинное существование человека просто невозможно. Метафизически, по мнению мыслителя, уход не является концом существования, так как человек после смерти переходит из одного вида бытия в другой.

Существенное внимание проблеме смерти уделил еще один немецкий философ Карл Ясперс, предложивший религиозный вариант ее осмысления. Ясперс считает, что свобода человека неотделима от осознания «конечности» человека [10, с. 450]. Осознавая свою «конечность», человек приходит к мысли о бесконечном и абсолютном, то есть, о боге и бессмертии. Это позволяет ему выйти за пределы собственных границ: «Непостижимое, но все-таки осознаваемое им бесконечное позволяет человеку выйти за пределы его конечности благодаря тому, что он ее осознает» [10, с. 450]. Смерть в силу своей метафизичности остается незамкнутой и эта незамкнутость есть знак свободы человека. Феномен танатоса понимается Ясперсом как положительное явление, имеющее высокий онтологический статус. Именно феномен конечности оказывает определяющее влияние на становление духовного мира человека.

Представитель французского экзистенциализма Жан-Поль Сартр в понимании смерти расходится со своими немецкими коллегами. Для него танатос имеет исключительно негативный характер. В отличие от Хайдеггера, Сартр настойчиво подчеркивает абсурдность смерти: «Смерть никогда не придает смысл жизни; наоборот, она в принципе лишает ее всякого значения. Если мы должны умереть, то наша смерть не имеет смысла, потому что ее проблемы не получают никакого разрешения и само существование этих проблем останется неопределенным» [Цит. по: 3, с. 12].

Если для Хайдеггера смерть – это будущее измерение человеческого существования, то для Сартра смерть, напротив, связана с модусом прошлого времени: «В момент смерти человек весь обращается в свое прошлое, его субъективность становится чистой объективностью, фактичностью, переставая существовать как свободно проектируемая человеческая реальность», – считает философ [Цит. по: 3, с. 13].

Кроме того, смерть, по мнению Сартра, не может быть индивидуализирована или субъективизирована. То, «что смертен всегда другой, а не я», есть, согласно Сартру, подлинная, а не иллюзорная характеристика экзистенции. Для меня самого смерть «есть победа точки зрения на меня другого над моей собственной точкой зрения, победа моей жизни, объективно увиденной извне, над моим существованием, переживаемым изнутри...» [3, с. 16].

Не согласен Сартр и с идеей Ясперса о положительной взаимосвязи танатоса и свободы. Свобода является сущностной стороной человека. Под этим понятием Сартр понимает способность человека выбирать свое отношение к той или иной ситуации [5, с. 17]. Поэтому он считает, что в этом бытии нет места смерти, которая не может быть собственной возможностью человека. Смерть и свобода внутренне не сопряжены. Бытие-к-смерти не может быть свободным проектом человека. Смерть напрямую не ограничивает свободный проект человека, поскольку никогда не входит в него, не принимается им в расчет [3, с. 16]. Однако поскольку смерть не коренится в человеческой свободе, она разрушает все личностные проекты и по отношению к конкретному человеку выступает как явление, ограничивающее его свободу [5, с. 18].

Таким образом, можно увидеть, что в рамках экзистенциализма единого взгляда на феномен смерти не было сформировано. Если представления о смерти и ее онтологической роли в философии Карла Ясперса и Мартина Хайдеггера можно назвать близкими, то танатологические представления Ж.-П. Сартра отличаются от их воззрений кардинально.

Для Хайдеггера смерть связана с будущим временем, для Сартра – с прошлым. У Хайдеггера смерть – это нечто, придающее жизни подлинность, а личности – аутентичность; у Сартра – это нечто бессмысленное и абсурдное. У Хайдеггера это личная индивидуальная возможность, напротив, у Сартра – отчужденное, объективированное бытие для другого. У Ясперса – одно из оснований человеческой свободы, у Сартра – феномен, со свободой несовместимый. Иначе говоря, танатос в представлениях Ясперса и Хайдеггера является активным структурирующим началом, имеющим очень высокий онтологический статус. Танатос является тем феноменом, без которого подлинное существование человека просто невозможно. К. Ясперс и М. Хайдеггер предполагают возможность посмертного существования.

У Сартра смерть выступает как негативное явление, как нечто бессмысленное и абсурдное, обладающее ничтожно малыми возможностями влияния на формирование специфики человеческого бытия.

В целом, можно увидеть, что в философской трактовке смерти М. Хайдеггер и К. Ясперс во многих моментах близки к религиозно-христианскому мировоззрению, в то время как философия Ж.-П. Сартра проникнута атеистическими интенциями [3, с. 16]. Однако необходимо сразу отметить, что не позиция немецких мыслителей, а взгляды Сартра были восприняты широкими кругами западного общества второй половины XX века.

Вывод: ни одна историческая эпоха не дала миру столько разнообразных и глубоких танатологических исследований, как XX век. Если в XIX веке только отдельные философы пытались осмыслить проблему «ухода» во всей ее многосторонности и сложности, то в XX веке уже целые философские школы активно исследовали феномен танатоса.

Несмотря на то, что философские направления, изучавшие феномен смерти, пытались осмысливать его во всей многозначности, все же упор делался, как правило, на исследование одного из аспектов этого явления. Мыслителей, работавших в рамках школы психоанализа, интересовала прежде всего проблема влияния танатоса на становление внутреннего мира человека. Экзистенциалисты исследовали проблему смерти как онтологически структурирующего начала, признавая танатос в качестве феномен с очень высоким онтологическим статусом «Храма бытия». Метафизически смерть не воспринимается как окончание человеческого существования. Почти все философы (за небольшим исключением, например, позиция Ж.-П. Сартра) разделяли представление о смерти как переходе из одного вида бытия в другой.

Аксиологически танатос трактовался как важный феномен, играющий первостепенную конструктивную роль как в формировании особенностей имманентного бытия отдельного человека, так и в развитии позитивных витальных установок общества в целом.

Философия XX века по существу является философией реабилитации феномена танатоса.

Источники и литература:

1. Бросова Н. З. История между «жизнью» и «смертью» О. Шпенглер и М. Хайдеггер / Н. З. Бросова // Вестник Моск. ун-та. – 2001. – № 2. – С. 16 – 26.
2. Демичев А. Дискурсы смерти : введение в философскую танатологию / А. Демичев. – СПб. : Инапресс, 1997. – 144 с.
3. Краснухина Е. К. О смысле конечного существования : проблема смерти в экзистенциализме М. Хайдеггера и Ж. П. Сартра / Е. К. Краснухина // Вестник Ленинградского ун-та, 1991. – С. 12–19.
4. О смерти и бессмертии. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
5. Сабиров В. Ш. Этический анализ : проблемы жизни и смерти / В. Ш. Сабиров. – М.: Знание, 1987. – 64 с.
6. Фрейд З. Мы и смерть / З. Фрейд // Рязанцев, С. Танатология. – СПб., 1994. – С. 13 – 27.
7. Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен / М. А. Шенкао. – К.: Ника-центр, 2003. – 320 с.
8. Юнг К. Г. О жизни после смерти : тайна смерти / К. Г. Юнг. – М. : Рипол, 1995. – 512 с.
9. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М. : Прогресс, 1993. – 330 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527с.

Фёдоров Ю.В.**УДК 165.745****К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО СОЦИУМА: СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ ПРОБЛЕМЫ. 2 ЧАСТЬ.**

Анотація. Стаття посвящена аналізу сучасного соціуму в контексті присутності в ньому феномена вырождення (дегенерації).

Ключевые слова: соціум, человек, психика, генетические деформации, патология, психофизические аномалии, сексуальные парафиллии, вырождение.

Анотація. Стаття присвячена сучасному соціуму в контексті присутності в ньому феномена виродження (дегенерації).

Ключові слова: соціум, людина, хвороба, генетичні деформації, патологія, психофізичні аномалії, сексуальні парафілії, виродження.

Summary. This article analyzes the contemporary society in the context of the presence therein of the phenomenon of degeneration (degeneration).

Keywords: social, human, mind, and genetic strain, pathology, psychophysical abnormalities, sexual paraphilia degeneration.

Введение. Почти в каждом городе Украины до начала 90-х годов количество школ для умственно неполноценных детей неуклонно росло. Интернаты для детей с ослабленным слухом, врожденной слепотой и глухотой, детей с болезнью «Дауна», церебральным параличом, колченогостью, пороками сердца, умственной неполноценностью и другими проблемами здоровья, были переполнены. Они не могли принять всенарастающий поток нуждающихся в особом, комплексном лечении и обучении детей. Только ежегодно увеличивающееся на десятки процентов количество таких специальных интернатов могло бы дать приблизительную цифру неполноценных детей в каждом городе Украины. Но эта статистика отсутствует. После Чернобыльской катастрофы данные о радиационных мутациях человека и появлении нового поколения детей с неожиданными генными явками вообще отсутствуют. Любые детские аномалии списывались на обычные экологические причины. Последствия Чернобыля – тема, до сих пор правительством закрытая.

С конца 80-х количество специальных дошкольных и школьных учреждений для подобной категории детей стало стремительно уменьшаться. С развалом Советского Союза ситуация резко усугубилась. На сегодняшний день ежегодное сокращение школ и интернатов стало обычным явлением для нашей страны. Что уж говорить о специальных учебных заведениях для проблемных детей. Сегодня уже для нормальных школьников нет мест. Глобальный экономический кризис, породивший, в частности, кризис образовательный, – обычное оправдание власть предержащих.

Город Евпатория, всегда считавшийся детской всесоюзной здравницей, в середине 90-х представлял собой мрачное зрелище. Уже тогда лечить было нечем и некому. Врачи от тотального безденежья разбежались, детские санатории и пансионаты выкупили столичные олигархи, а родители продолжали привозить сюда своих больных детей, надеясь на чудо. Повсюду детские инвалидные коляски, беспомощно висящие атрофированные ножки, безрадостные лица и заплаканные глаза... Сегодня этот город, как детская здравница перестал существовать. Социальные программы свернуты, и это при том, что проблема детского нездоровья многократно усугубилась.

Актуальность исследования. Тотальные экологические и климатические катаклизмы, затрагивающие многие страны и континенты, волнуют сегодня многих ученых мира. Сегодня, как никогда раньше, становится актуальной проблема пересмотра экологического мировоззрения, ибо это основа выживания и естественной эволюции человеческого общества. Нынешняя мировая экономика превращается в виртуальную экономику глобальных информационных технологий, которые породили едва заметную «мышь» экономического эффекта от них. Сегодня экономика, как и наука, превратилась из системы